

М.Ф. Румянцева

Источники (по) истории КРЕСТЬЯНСТВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация Анализируются дискурсивные различия формулировок: источники по истории крестьянства/источники истории крестьянства. Выдвигается гипотеза о парадигмальных основаниях этих различий, о проявившейся в них оппозиции классической и неоклассической моделей науки. Гипотеза апробируется на материале классических европейских и российских исследований по истории крестьянства.
Ключевые слова: крестьянство, исторический источник, классическая модель науки, неоклассическая модель науки.

Summary The article analyzes the discursive differences in the wording: sources on the history of the peasantry / sources of the history of the peasantry. A hypothesis is put forward about the paradigmatic basis of these differences, about the opposition between the classical and neoclassical models of science. The hypothesis is tested on the material of classical European and Russian studies on the history of the peasantry.
Keywords: peasantry, historical source, classical model of science, neoclassical model of science.

Лингвистический поворот, под знаком которого проходят трансформации гуманитарного — и не только — знания, начиная с середины XX века, заставляет профессионального (не по диплому, а по квалификации) историка быть внимательным к дискурсу, поскольку он понимает, что дискурс выдает (и часто помимо его воли) парадигмальные предпочтения автора научной работы.

В настоящей статье рассматривается один дискурсивный «нюанс»: источники по истории крестьянства/источники истории крестьянства. Очевидно, что эти две формулировки различаются только предлогом «по». Есть ли разница? Попытаемся разобраться, исходя из гипотезы, что предлог «по» в формулировках такого типа выступает как дискурсивный маркер

парадигмальных различий. Работа имеет дискуссионный, если не сказать — провокативный, характер.

Теоретические размышления

В теоретической основе данного вопроса, на мой взгляд, необходимо выделить две взаимосвязанные составляющие: (1) собственно источниковедческую и (2) относящуюся в большей степени к теории исторического процесса.

Источниковедческая основа. В исторической науке на протяжении XIX–XX вв. сложились два основных подхода к определению понятия «исторический источник». Первый: исторический источник — это все, откуда можно почерпнуть информацию об историческом прошлом. Радикальный вариант определения этого типа: «все, что может источать историческую информацию, (т. е. информацию исторического характера, полезную (sic! — здесь и далее замечания по тексту мои. — *М.Р.*) для работы историка)»¹. Этот тип определений отсылает нас к *классическому типу рациональности / классической модели науки*, изжившей себя уже к концу XIX в. Второй — восходит к русской версии неокантианства с ее преимущественным вниманием, — в отличие от неокантианства Баденской школы, — к объекту исторического познания: «исторический источник — объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной перспективе»². Этот подход соответствует *неоклассической модели науки*, в качестве реперной точки возникновения которой может рассматриваться публикация в 1911 г. статьи Э. Гуссерля (1859–1938) «Философия как строгая наука»³. Эта модель актуализирована в конце XX в., при выходе из ситуации постмодерна⁴.

Не буду подробно останавливаться на обосновании концептуальных различий двух подходов к определению исторического источника⁵. Отмечу только два момента.

¹ Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 8.

² Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 205.

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М., 1911. Кн. 1. С. 1–56.

⁴ См.: Лубский А.В. Альтернативные модели исторических исследований. М., 2005. С. 256–339.

⁵ Подробнее см.: Источниковедение: учебное пособие / [И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков], отв. ред. М.Ф. Румянцев. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 90 и след.

Первый. Тот же самый принцип парадигмального различения применим к определениям массовых (серийных) исторических источников, данные, с одной стороны, И.Д. Ковальченко (1923–1995), а с другой — Б.Г. Литваком (1919–2002)⁶. Это важно, поскольку именно массовые источники могут иметь особое значение в изучении истории крестьянства. В частности, подворные описи крестьянских хозяйств полномасштабно задействованы Ковальченко в изучении российского крестьянства XIX в.⁷

Второй. Научно-педагогическая школа источниковедения, концептуально восходящая к эпистемологической концепции (в рамках русской версии неокантианства) А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), не только углубляла в течение XX — начала XXI в. понимание природы исторического источника (и соответственно, уточняла его определение), но и обогатила представление об объекте источниковедческого изучения: исторический источник — система видов исторических источников — эмпирическая реальность исторического мира.

Акцентируем внимание на практическом применении концепта *эмпирическая реальность исторического мира*, предложенного О.М. Медушевской (1922–2007) в работах, опубликованных в 2008 г.⁸ Размышляя о *макрообъекте исторической науки*, исследовательница пишет: «Человек — живая система, способная целенаправленно и осознанно создавать продукт, придавая ему структуру, пригодную для выполнения функций, к осуществлению которых этот продукт предназначен... Человек создает материальный продукт, и этот продукт сохраняется, остается в сообществе людей и может быть востребован вновь и вновь. Он функционирует в обществе, оставаясь в нем навсегда»⁹. Эксплицируя имманентные свойства этого макрообъекта, О.М. Медушевская обращает внимание на принципиальную значимость

⁶ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 8; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6; подробнее см.: Источниковедение... С. 223–227.

⁷ Например: Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения. М., 1982.

⁸ Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г. В 2 ч. М., 2008. С. 24–34; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

⁹ Медушевская О.М. Теория и методология... С. 48.

объективации человеческого мышления в интеллектуальном продукте / историческом источнике: «Единство цели создания, структуры и функции составляет универсальное общее свойство любого интеллектуального продукта, созданного человеком, человеческим мышлением. *Системообразующий принцип любого интеллектуального продукта универсален* (выделено автором. — М.Р.). Иначе говоря, человеческое мышление как особый феномен живой человеческой природы имеет свое материальное, эмпирическое воплощение. И, следовательно, доступен человеческому познанию»¹⁰.

Таким образом, понимание того, что исторический источник объективирует индивидуума — во взаимосвязи с культурой, к которой тот принадлежит, через деятельность, направленную на создание обусловленного этой культурой интеллектуального продукта, — лежит в основе грамотного формирования репрезентативной источниковой базы научного исторического исследования.

Очевидны, на мой взгляд, концептуальные различия: определение исторического источника в рамках классического типа рациональности предполагает формирование источниковой базы по принципу «источник *по* истории», а неоклассическая модель науки предусматривает, в первую очередь, обращение к источникам, порожденным исследуемой деятельностью.

Конечно же, нельзя не признать, что формула «источники *по* истории» является устоявшейся, практически приобретшей характер клише; впрочем, как и многие дискурсивные штампы классического типа рациональности, зачастую используемые без какой-либо рефлексии. *Источники истории*, — вероятно, несколько неуклюжее выражение (или пока непривычное?), но за неимением лучшего мы использовали его, в частности, при подготовке двух учебных пособий, представлявших понимание источниковедения — как метода, как научной дисциплины / субдисциплины исторической науки и как научного направления — Научно-педагогической школой источниковедения. Выражение «источники российской истории» вошло и в название одного из них¹¹.

Итак, мы обозначили позицию: в рамках неоклассической феноменологической концепции источниковедения источниковую основу исследования любого исторического феномена / деятельности акторов исторического

¹⁰ Там же. С. 49. Цитаты приведены в точном соответствии с текстом книги, которая вышла в свет уже после кончины Ольги Михайловны и несет следы небрежности редактуры.

¹¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998 [доп. изд. 2000, 2004]; Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015 (2-е изд., испр. М., 2019).

процесса составляют, в первую очередь, источники, порожденные этими акторами в ходе и как результат соответствующей деятельности.

Но история крестьянства создает дополнительные трудности... Для понимания их природы необходимо обратиться к одному их аспектов теории исторического процесса.

«История» крестьянства в контексте теории исторического процесса

Связующим звеном между источниковедением и теорией исторического процесса является тот неоспоримый факт, что история пишется *преимущественно (практически — исключительно) по письменным историческим источникам*. Точнее — не сам факт, а понимание природы этого историографического феномена.

Еще в конце XIX в. Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) в «Введении в изучение истории» (1898) зафиксировали знаменитую формулу: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей... *Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа, или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда не существовал* (выделено мной. — М.Р.)... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»¹². Правда, Л. Февр (1878–1956), например, подверг эту формулу сокрушительной критике: «“Историю изучают при помощи текстов”. Знаменитая формула: и по сей день она не утратила всех своих достоинств, а они, без сомнения, неопределимы. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами. Но, если вдуматься, формула эта представляется опасной: она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. *Она предполагала тесную связь между историей и письменностью* (выделено мной. — М.Р.)»¹³.

Эту мысль в контексте своей концепции когнитивной истории развивает и О.М. Медушевская: «Вещественная природа культурных объектов едина для всего исторического процесса. Общая цель их создания — фиксирование информационного ресурса, овеществление его. При данном подходе снимается то неправомерное противопоставление различных исторических

¹² Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М., 2004. С. 49.

¹³ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 11.

эпох в истории человечества, которое выражено в дописьменной эпохе (собственно неисторической) как альтернативе эпохам последующим»¹⁴.

Не буду вступать здесь в полемику ни с Л. Февром, ни с О.М. Медушевой, ни с другими авторами, разделяющими этот скепсис по отношению к особой роли письменных исторических источников, но — даже при полном согласии с концепцией Медушевой — невозможно не признать значение письменных исторических источников в историческом познании. Для понимания этого значения достаточно хотя бы бегло взглянуть на источниковую базу любой научной работы по истории.

Обоснование деления народов / культур на исторические и неисторические выстраивали многие выдающиеся мыслители: Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль, К. Ясперс. А ближе к концу XX в. представители трех разных историографических культур предложили свои оригинальные, но явно имеющие общую основу, концепции деления культур: на письменную и бесписьменную (Ю.М. Лотман), историю и память (П. Нора), разные типы памяти — память-воспоминание / память-повторение (П. Хаттон).

И здесь важно понять, что этот раздел проходит не только между разными народами (например, европейцами с их пресловутым европоцентризмом и папуасами, которых изучал Н.Н. Миклухо-Маклай), а и — по крайней мере, вплоть до XX в. — между исторической частью народа и «безмолвствующим большинством» (выражение А.Я. Гуревича).

И на этой проблеме — деления народов на исторические и неисторические — не буду останавливаться сколько-нибудь подробно: любую из этих концепций можно оспорить, но каждая из них качественно разработана ее автором и имеет системное подтверждение. Обращусь только к размышлениям Ю.М. Лотмана (1922–1993), поскольку именно он сосредоточил внимание на письменном механизме фиксации культуры исторического типа. Лотман афористично утверждал: «Можно сказать, что история — один из побочных результатов возникновения письменности»¹⁵. Автор выделял/противопоставлял два типа культур (обладающих социальной памятью разного типа): традиционную, основанную на обряде, и *историческую, казуальную по содержанию и письменную по механизму фиксации*. При этом известный советский культуролог подчеркивал корректность понятия бесписьменная культура в противовес понятию — *дописьменная*.

¹⁴ Медушевская О.М. Теория и методология... С. 49.

¹⁵ Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 345.

И проблема в том, что крестьянство на протяжении практически всей своей истории (за исключением, может быть, XX в.) почти не оставляет письменных источников. Или, — скажем предельно осторожно, — корпус письменных исторических источников, порожденных крестьянством, неизмеримо меньше массивов письменных исторических источников, порожденных иными социальными общностями — теми социальными общностями, которые непосредственно вовлечены в исторический процесс.

Апробация

Для апробации теоретических размышлений обратимся к историографии по истории крестьянства, к ее источниковой базе. Я, естественно, ни в коей мере не претендую на полноценный историографический анализ (и даже обзор) — эта часть работы выполнена, можно сказать, в духе модных нынче *case studies*, а проще говоря, — рассмотрим образцы историографии, уже признанные классическими. Причем, оставим вне поля зрения труды по социально-экономической истории. Их источниковую базу кратко, но весьма емко охарактеризовала Е.Н. Швейковская: «Проблемы решались в основном на материале источников, из которых можно извлечь более или менее массовые данные, пригодные для количественной обработки и статистических выкладок, получения временных сопоставительных срезов, их анализа и построения моделей. Можно сказать, что в области социально-экономических исследований преобладали работы, сходные с исследованиями этапа “серийной”, социально-структурной истории в зарубежной историографии»¹⁶. Я уже упоминала труды И.Д. Ковальченко о крестьянстве, — точнее, об аграрном строе, — XIX в. Характеристику, данную Е.Н. Швейковской, подтверждает и Л.В. Милов (1929–2007): «Проведено фронтальное исследование производственных возможностей крестьянского хозяйства практически на всей европейской территории расселения великорусского этноса. Опорой для такой проработки был материал XVIII столетия, то есть наиболее раннего периода, по которому была бы возможна перспектива создания прочной и полной источниковой базы, способной охарактеризовать все стороны сельскохозяйственной деятельности социума»¹⁷. И это неслучайно: именно в XVIII в. Российское государство проявляет интерес к своей экономике и народонаселению, в результате

¹⁶ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 7.

¹⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. Аннотация.

чего создаются мощные системы учетной документации (например, ревизский учет) и начинается становление статистики. В целом же, хотя мы, ориентируясь на название книги, вправе ожидать исследование истории крестьянства, но истории именно крестьянства посвящены, по сути, лишь отдельные, хотя и очень тонкие, и интересные, наблюдения.

Присмотримся к трудам по социокультурной истории, или, — точнее, — новой социальной истории. Для компенсации отсутствия системности в рассмотрении историографии замечу, что Е.Н. Швейковская охарактеризовала, по сути, этап второго поколения Школы «Анналов», а мы обратимся сразу к этапу третьего поколения.

И здесь не могу не начать с абсолютной классики — книги Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324)», опубликованной в 1975 г.¹⁸ Описание источниковой базы исследования по истории крестьянства автор дает в первых строках предисловия к работе, которое носит примечательное название «От инквизиции к этнографии». В этом названии объединены две составляющих предложенных выше теоретических размышлений: в основе исследования — материалы инквизиции, т. е. источники, порожденные отнюдь не крестьянской средой; эти источники дают возможность изучения этнографии, но не истории окситанской деревни.

Характеризуя источниковую базу истории крестьянства Э. Ле Руа Ладюри пишет: «Для того, кто хотел бы понять крестьянина давних и стародавних времен, нет недостатка в крупных обобщающих трудах регионального, национального, западноевропейского масштаба... Единственно порой *недостает взгляда прямого: неопосредованного свидетельства крестьянина о самом себе* (выделено мной. — М.Р.)»¹⁹. Автор продолжает: «Для периода после 1500 года я искал такой взгляд у мемуаристов». А что касается первой четверти XIV в. — периода, исследуемого в работе «Монтайю...», то «к счастью для нас и к несчастью для них, в XIV... веке *был человек, который дал высказаться поселянам и даже целой деревне как таковой* (выделено мной. — М.Р.)». Речь идет о епископе Жаке Фурнье (будущем папе Римском Бенедикте XII): «Как этнограф и блюститель порядка, он во время своего епископата сумел выслушать [sic!] крестьян графства Фуа, и в особенности верхней Арьежи; он дал вкусить им хлеба скорби и воды терзаний, но пытками не увлекался [sic!]; он допрашивал [sic!] их введливо и подолгу, вытравливая в их среде катарскую ересь и просто отклонения от официального католицизма. Его слушание дошло до нас в виде

¹⁸ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.

¹⁹ Там же. С. 6.

объемистого латинского (обратим внимание и на язык источника. — *М.Р.*) манускрипта... Таким образом, в распоряжении историков и латинистов оказалось свидетельство окситанской земли о самой себе [sic!]; свидетельство, далеко выходящее за рамки узкой сферы гонений на ересь»²⁰. Не стоит продолжать источниковедческий комментарий, тем более что особенности источниковой базы действительно замечательной репрезентации Э. Ле Руа Ладюри отмечали многие критики его работы. Аналогичная источниковая база и в основе другого классического исследования — книги Карло Гинзбурга о мельнике XVI в.²¹

Традицию изучения культуры средневекового крестьянства подхватывает А. Я. Гуревич (1924–2006). Его работа в рамках нашей темы имеет особый смысл, поскольку понятие «безмолвствующее большинство» (читаем — бесписьменное) вынесено автором в название книги «Средневековый мир...»²². Интересующая нас работа была опубликована в 1990 г., но опыт историко-антропологического исследования к этому времени у А.Я. Гуревича уже был значительный. Любопытна характеристика, данная российскому ученому одним из авторитетных исследователей истории культуры П. Бёрком (р. 1937): «Один из ранних примеров обращения к антропологии имел место в тогдашнем Советском Союзе. Российский медиевист Арон Гуревич, специалист по Скандинавии, первоначально был ориентирован на аграрную историю, но постепенно его стало интересовать понимание собственности в раннесредневековых Норвегии и Исландии. В поисках объяснения устойчивой системы передачи движимого имущества он обратился к антропологии»²³.

А.Я. Гуревич в работе «Средневековый мир...» отмечает иной темп истории «безмолвствующего большинства»: «Мироощущение, видение мира человека аграрного по своей природе общества изменялось несравненно медленнее, нежели культура людей образованных, — оно изменялось, но ритмы изменений были совершенно иными»²⁴. Характеризуя источниковую базу и метод своей работы, А.Я. Гуревич пишет: «Содержание духовной жизни простолюдина, крестьянина, горожанина, монаха, приходского священника в той мере, в какой оно может быть *обнаружено в средневековых текстах*

²⁰ Там же. С. 6–7.

²¹ Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.

²² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

²³ Бёрк П. «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого // Новое литературное обозрение. 2005. №5 (75) (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения – 30.01.2021)).

²⁴ Гуревич А.Я. Средневековый мир... С. 10.

разного происхождения (выделено мной. — М.Р.)... такова тема очерков»²⁵. Автор уточняет: «Из среды крестьян до нас, естественно [sic!], почти *вовсе ничего не дошло* (выделено мной. — М.Р.²⁶), и они оставались “безмолвствующим большинством” средневекового общества. Источники, исходящие от представителей социальных верхов, также очень скупо упоминают крестьян, — кроме тех случаев, когда речь идет об их повинностях, формах зависимости или неповиновении»²⁷. Но и источники, вышедшие из среды «социальных верхов» (а я бы добавила: источники, — в значительной степени государственного происхождения) не многое сообщают о крестьянах: «Существование крестьянства, простого люда молчаливо предполагается источниками, но прямо о нем почти не говорят. Далеко не всегда ясно, идет ли речь в том или ином тексте о крестьянах, и только о них, ибо в сравнительно редких случаях, когда, казалось бы, передаются сведения именно такого рода, *авторами источников, представляющих для нас особый интерес, являются не крестьяне* (выделено мной. — М.Р.)»²⁸. И в границах проблематики своего исследования А.Я. Гуревич резюмирует: «Крестьянин словно “вынесен за скобки”. Если он даже и подразумевается в литературных текстах эпохи, то о нем не было нужды и привычки думать или упоминать»²⁹.

Елена Николаевна Швейковская, изучая северную русскую деревню, преимущественно XVII в., вовлекает в исследование обширнейший корпус исторических источников. В книге «Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке» это материалы РГАДА: столбцы и книги приказного делопроизводства (в том числе Устюжской четверти) из фонда «Приказные дела старых лет» (ф. 141); финансово-налоговые материалы центральных и местных учреждений (ф. 137); писцовое описание 1625 г. (ф. 1209). Особую группу составили акты, фиксировавшие сделки крестьян: купчие, меновые, закладные³⁰. Такой подбор источников — преимущественно государственного происхождения — вполне соответствует проблематике книги, обозначенной уже в названии — «Государство и крестьяне...».

Обращаясь к истории повседневности русского крестьянина в рамках новой социокультурной истории в работе «Русский крестьянин в доме и мире...», Е.Н. Швейковская подчеркивает: «Предпринимаемое исследо-

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Как историк-архивист по квалификации, не могу не оспорить дискурс А.Я. Гуревича: не «не дошло», а не было создано.

²⁷ Гуревич А.Я. Средневековый мир... С. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 8–9.

вание диктует свои требования к источниковой информации, которая добывается не путем увеличения ее количества, а за счет *качественно иного, чем это практиковалось в историографии ранее, набора задаваемых источникам вопросов* (выделено мной. — М.Р.)»³¹. При всей несомненности этого утверждения для реализации исследования по истории повседневности автор не только углубляет источниковедческий анализ, но и расширяет круг исторических источников, вовлеченных в исследование. Е.Н. Швейковская подчеркивает, что «пристального внимания заслуживают *документы и сведения, возникшие непосредственно в крестьянской среде* (выделено мной. — М.Р.)»³². К этой группе можно отнести используемые в работе документы земских миров (в частности, «расходные [книги] земских миров середины — конца XVII в. — чернососных Тотемского, Сольвычегодского, Устюжского у[ездов]»), акты межкрестьянских поземельных сделок конца XVI — конца XVII в., челобитные крестьян уездным воеводам и в Устюжскую четверть, а также церковно-монастырским властям. Но все же основу исследования в значительной степени составляют источники отнюдь не крестьянского происхождения: документация XVII в. центральных учреждений — четвертей и уездных приказных изб; законодательные источники (Русская Правда, Судебники 1550 и 1589 гг., узаконения за период 1550–1649 гг., Соборное уложение 1649 г.), писцовые книги 1622–1625 гг. Сольвычегодского уезда, подворная ландратская перепись 1717 г. Вологодского уезда, судебные дела, а также Стоглав 1551 г. и Домострой³³.

Перейдем к более близким к нам временам. Для нашей темы значительный интерес представляет работа Марины Михайловны Громыко (1927–2020) «Мир русской деревни»³⁴. Работа имеет популярный характер (об этом свидетельствует и издательство — «Молодая гвардия»), что не отменяет ее научную фундированность, однако не дает возможности в полной мере эксплицировать источниковую базу исследования. Но в обращении к читателю «Предварительный разговор» (своего рода Введение), отвечая потенциальному оппоненту, утверждающему сложность, если не невозможность, воспроизведения крестьянской истории, М.М. Громыко пишет (весьма пафосно): «Ошибаетесь, коллега. Вы принимаете желаемое за действительное. Сохранилось и лежит в архивах (а иные материалы опубликованы еще в прошлом веке) *множество описаний современников, подробнейших отве-*

³¹ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 11.

³² Там же.

³³ Там же. С. 11–12.

³⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

тов на программы различных научных обществ (выделено мной. — М.Р.), решений общинных сходок, прошений, писем и других документов, по которым можно очень подробно представить жизнь старой деревни». И особо выделяет «публикации современников, непосредственно наблюдавших [sic!] тогдашнюю деревню»³⁵.

Вывод

Опираясь на изложенные выше теоретические подходы, — как из сферы источниковедения, так и теории исторического процесса, — мы вынуждены признать, что история крестьянства в определенном смысле неисторична. Или, — скажем аккуратнее, — обладает иной степенью историчности, чем традиционная (это важно подчеркнуть!) история событий. Таким образом, изучение крестьянства в историческом процессе предполагает обращение, по большей части, к источникам, вышедшим из иной социальной и культурной среды, что, несомненно, требует от авторов работ по истории крестьянства — и особенно в рамках культурной истории социального, в том числе и истории повседневности, — не только тщательного соблюдения алгоритма работы с историческим источником, предполагающим особое внимание к его авторству и породившей его социальной и культурной среде, но и изощренных методик анализа и изощренных подходов к интерпретации источников, в том числе (и в первую очередь?) порожденных иной/инаковой по отношению к крестьянству социокультурной средой.

Литература

- Бёрк П. «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого // Новое литературное обозрение. 2005. № 5(75) (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-inovaya-kulturnaya-istoriya.html>).
- Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.
- Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства А.Я. Гуревич. М., 1990.
- Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М., 1911. Кн. 1. С. 156.

³⁵ Там же. С. 8.

- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015 (2-е изд., испр. М., 2019).
- Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959.
- Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
- Ковальченко И.Д.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения / И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, Б.М. Литваков. М., 1982.
- Ланглуа Ш.-В.* Введение в изучение истории. 2-е изд. М., 2004.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.
- Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX в. М., 1979.
- Лотман Ю.М.* Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 344–356.
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторических исследований. М., 2005.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / [В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, А.Г. Голиков и др.]; отв. ред. [и авт. предисл.] И.Д. Ковальченко. М., 1979.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
- Медушевская О.М.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г. В 2 ч. М., 2008. С. 24–34.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016.
- Февр Л.* Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 10–23.
- Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.
- Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.
- Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16. С. 3–24.